

HISTORY OF THE EAST

Historiography, source critical studies, historical research methods

ИСТОРИЯ ВОСТОКА

Историография, источниковедение, методы исторического исследования

Научная статья
УДК 930(5):167.7

Исторические науки

<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2022-5-4-722-733>

Комплексность востоковедения, его междисциплинарные и трансдисциплинарные перспективы

Аликбер Калабекович Аликберов

*Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,
alikberov@ivran.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2894-2767>*

Аннотация. В статье предпринимается попытка сопоставить понятие «комплексность востоковедения», которое каждый исследователь понимает по-своему, с понятиями «мультидисциплинарность», «междисциплинарность» и «трансдисциплинарность». На фоне актуальных дискуссий о месте этой научной дисциплины в системе социогуманитарных наук выясняется, что востоковедческие исследования ошибочно относят к междисциплинарным, хотя доля междисциплинарных исследований в ориенталистике составляет в среднем не более 10% от общего числа. В свете «прагматического поворота» науки гораздо большую перспективу имеют трансдисциплинарные подходы, особенно в различных областях цифрового востоковедения. Востоковедение – это наука, в которой идет постоянный теоретико-методологический поиск, но одновременно с этим в ней ведутся практически ориентированные мультидисциплинарные исследования, объединяющие теорию, эмпирический материал и экспертные данные. Трансдисциплинарность, которая прежде всего востребована в мультидисциплинарных науках, существенно усиливает интегративные и практические преимущества востоковедческой науки, позволяя проводить исследования сложных проблем восточных обществ на уровне погружения, первичных элементов систем, универсальных типов данных, с использованием информационных моделей, цифровых средств и программных инструментов.

Ключевые слова: востоковедение; ориенталистика; комплексная наука; мультидисциплинарность; междисциплинарность; трансдисциплинарность; интегративный подход; история Востока; Восток – Запад

Для цитирования: Аликберов А. К. Комплексность востоковедения, его междисциплинарные и трансдисциплинарные перспективы. *Ориенталистика*. 2022;5(4):722–733. <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2022-5-4-722-733>.

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

The complexity of Oriental studies, its interdisciplinary and transdisciplinary perspectives

Alikber K. Alikberov

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
alikhberov@ivran.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2894-2767>

Abstract. The article offers an attempt to compare the complex approach to Oriental studies with the phenomenon of multidisciplinary, interdisciplinary or transdisciplinary research. One has to stress that the term "complex approach" has not yet been fully established. Therefore, every scholar has to explain and identify it according to his research background. Current discussions about the place of Oriental studies in the framework of humanities have shown that this discipline is mistakenly described as "interdisciplinary". Indeed, the interdisciplinary research in the field of Oriental studies covers on average about 10% of the total. The recent development of digital research has revealed a much greater perspective for Oriental studies in a transdisciplinary approach. As a whole, Oriental studies remain a discipline, which continues to be developed in course of a constant theoretical and methodological search. At the same time, this is also "practice-oriented" research, which combines theory, empirical and material findings. Transdisciplinary research, therefore, significantly enhances the results by allowing to conduct of multi-level research. It also allows a precise description of the complex problems of Eastern societies by using the immanent approach to the subject, applying various information constructs and also modern digital tools.

Keywords: Oriental studies; Research multidisciplinary; Research interdisciplinary; Research transdisciplinary; Studies, historical, approach, integrative; East, countries of, history

For citation: Alikberov A. K. The complexity of Oriental studies, its interdisciplinary and transdisciplinary perspectives. *Orientalistica*. 2022;5(4):722-733. (In Russ.). <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2022-5-4-722-733>.

Комплексность науки о Востоке

К идеалу целостного знания о народах и культурах Востока, подразумевающему методологический синтез входящих в состав востоковедения социогуманитарных наук, стремилось не одно поколение ориенталистов. Востоковедение отличается от других гуманитарных наук тем, что оно с самого начала формировалось как мультипредметная наука. Востоковедение – это комплексная наука, а не просто комплекс разрозненных наук. Однако, в зависимости от области специализации того или иного исследователя, эта комплексность понимается по-разному: как синоним системного подхода, как

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

источниковедческий подход, как метод сопоставления и обобщения результатов исследований, проведенных методами разных наук [1, с. 223], а также как археологический метод [2, с. 170–174].

Большинство востоковедов под комплексностью понимает прежде всего мультидисциплинарность и многопредметность. Действительно, ориенталистика включает в себя:

- 1) и гуманитарные, и социальные (общественные) науки;
- 2) и теоретические, и практические (прикладные) исследования;
- 3) и исторические, и актуальные, нацеленные на современность;
- 4) биографические, микроисторические, страновые, региональные и глобальные.

На основе комплексности востоковедение изучает не только историю, языки и литературу, но и религию, культуру, искусство, экономику, причем как вместе, так и раздельно, по странам, народам, историческим периодам, научным дисциплинам. Многие гуманитарные дисциплины развиваются почти исключительно в рамках востоковедения: история Древнего Востока, ассириология, семитология, арабистика, иранистика, османистика, тюркология, китаеведение (синология), монголоведение, индология, японоведение, шумерология, урартология, корееведение, малаистика и другие, а из дисциплин религиоведческого профиля – гебраистика, исламоведение, буддология и другие. Тибетология изучает не только язык, историю и культуру Тибета, но и религию, тибетскую буддийскую традицию. Некоторые научные направления продолжают появляться вследствие выдающихся научных открытий (например, кумранистика). Востоковеды имеют достаточно компетенций, чтобы заниматься историей, археологией, источниковедением, нумизматикой, сфрагистикой, эпиграфикой Востока.

В силу комплексности своей науки востоковеды гораздо острее ощущают потребность в общем междисциплинарном и даже трансдисциплинарном подходе, именно поэтому в ориенталистике используются преимущественно интегративные подходы [3, с. 152–164]. Как писал В. Ф. Генинг, комплексность – самая популярная версия междисциплинарного подхода, при котором представитель одной науки самостоятельно «осваивает методологию другой науки» [2, с. 172]. Комплексность по Никласу Луману – это одно из правильных оснований науки, предполагающее переориентацию исследователя от интересов обоснования к интересу роста научного знания. Это понятие также парадоксально: в качестве единства оно обозначает то, что подразумевает в качестве множества [4, с. 278–279].

Комплексность науки нередко совершенно неправомерно отождествляется с междисциплинарностью, мультидисциплинарностью. Так, в системе Министерства науки и высшего образования Российской Федерации годовые отчеты подведомственного ему Института востоковедения Российской академии наук необоснованно учитываются в рамках междисциплинарной науки, хотя доля таких исследований в учреждении редко превышает 10%. Основная часть востоковедческих исследований выполняется в строгих дисциплинарных рамках отдельных наук – исторической (история Востока), филологической (афро-азиатские языки, литературы народов Востока), экономической (экономика стран Востока) и т. д. На это указывают и дисциплинарно маркированные научные степени востоковедов, а также принятые в системе ВАК при Минобрнауки России паспорта научных специальностей номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени кандидатов наук и докторов наук.

Актуальные дискуссии о востоковедении, связанные с его комплексностью

Чтобы определить место востоковедения среди социогуманитарных наук, достаточно обратиться к двум важнейшим для этой науки дискуссиям, не потерявшим свою актуальность до сих пор. Первая началась в XX в. и касается образа востоковедения как колониальной науки. Зародившаяся в недрах западной христианской науки ориенталистика для самого Востока, в частности для мусульманских историографий, стала символом колониальной экспансии Запада. Поэтому в бинарной оппозиции «ориенталистика vs ориентализм», благодаря усилиям Эдварда Саида, многие видят дихотомию «Запад – Восток». Оппозиция не вполне корректная по ряду причин:

1) Здесь не учитывается основное значение ориентализма, явления в западной культуре XVIII – начала XX в., идеализирующего Восток. Это отражение в культуре метрополии воображаемого образа восточных колоний; в этом смысле, безусловно, оно обусловлено определенным общественно-политическим контекстом и идеологическими ориентирами своей эпохи. Но вместе с тем это явление художественной жизни и различных культурных практик, повлиявших на обе стороны в процессе межкультурной коммуникации.

2) Почти полностью игнорируется богатая и плюралистичная историография стран, которые находятся между двумя большими полюсами – Востоком и Западом; отчасти потому, что ситуация с изучением Востока в России, например, не вполне вписывалась в критическую концепцию Э. Саида.

Движение деориентализации на Западе было направлено не против ориенталистики как таковой, а против самого этого названия, взамен стали появляться и развиваться направления азиатских исследований (*Asian Studies*), афроазиатских исследований (*Asian and African Studies*), евразийских исследований (*Eurasian Studies*), ближневосточных исследований (*Middle East Studies*) и др.

Вторая масштабная дискуссия развернулась в России уже в наше время, когда в рамках реформирования науки и образования появилась потребность укрупнения специальностей, и тут возник вопрос – к какой укрупненной научной сфере отнести востоковедение? Эта дискуссия проходила в несколько этапов и затронула прежде всего образовательные учреждения. В общероссийском классификаторе специальностей по образованию от 2016 г. востоковедение и африканистика (код 41.03.03) стояли отдельно от зарубежного регионоведения (код 41.03.01) и регионоведения России (код 41.03.02). В результате долгих дискуссий самостоятельный статус востоковедения удалось отстоять.

Лишение отечественного востоковедения статуса укрупненной специальности и растворение его в дисциплинарных рамках мировой регионалистики не только непродуктивно, но и разрушительно для всей российской науки в целом. Это неизбежно приведет к негативным последствиям, которые могут быть необратимыми. Речь идет, прежде всего:

1. Об угрозе потери Россией жизненно важной для страны ориентации на зарубежный Восток, с которым у нее самая протяженная в мире граница – 16 823 км. В свете стратегического поворота России на Восток особенно важно, что он включает в себя Китай – новую «ось Азии» и формирующийся восточный полюс «новой биполярности».

2. Не меньшее значение для России имеет «ближнее зарубежье», прежде входившее в состав Российской империи и СССР, а также свой собственный

«внутренний Восток» с его особым укладом жизни и специфическими проблемами, в том числе общественными, политическими, этническими и религиозными. Достаточно упомянуть исламский радикализм: востоковеды сделали очень много для снижения общего уровня экстремизма и террористической опасности в стране.

3. Растворение «Востоковедения и африканистики» в «Регионоведении» и «Международных отношениях» больше всего ударит по классическому циклу востоковедения и приведет к нарушению целостности востоковедческого знания: регионалистика принадлежит к политологическим наукам, но востоковедение не ограничивается изучением политики и международных отношений, его задача – развивать культуру через историю. Исследования истории Древнего Востока существенно расширили наши представления о культуре Древнего Египта, Передней Азии (Месопотамии, Ассирии, Вавилона и т. д.), Индии и Китая; тем самым они обогатили и мировую культуру в целом, придав ей необходимую глубину.

4. Исчезновение востоковедения из перечня укрупненных специальностей неизбежно приведет к девальвации специальности как таковой, уменьшению потоков абитуриентов на факультеты востоковедческого профиля (а сейчас это одно из самых популярных направлений гуманитарного цикла, уступающее только истории) и, как следствие, к нарушению преемственности образовательной цепочки от бакалавра до аспиранта, к затруднениям в наборе подготовленных выпускников в аспирантуру. В итоге академическое востоковедение будет лишено нормального кадрового воспроизводства и также существенно пострадает.

5. Вопреки ожиданиям, пострадает и экспертное востоковедение. Аналитические исследования лишены прогностической ценности, если они не опираются на глубокое знание истории, культуры, других особенностей изучаемых обществ. Утверждения о том, что академические учреждения закоснели, стали неповоротливыми, не в состоянии адаптироваться под меняющиеся потребности общества, основаны на незнании того, что действительно происходит в недрах науки. СКП как новый научный подход, способный получать верифицируемые данные также и об актуальных процессах и событиях на Востоке, в том числе с использованием технологий искусственного интеллекта, был разработан в недрах именно академического востоковедения.

6. Планы реформирования науки, сложившиеся не внутри, а за пределами академического сообщества и повторяющие западный опыт, не всегда учитывают специфику развития как отечественной, так и западной науки, которая зародилась в университетах. Европейские университеты с самого начала были не только образовательными, но в равной мере и исследовательскими центрами. А в России наука с самого начала была разделена на академическую и университетскую, с тех пор как в 1724 г. Сенат по именному указу императора Петра I учредил Академию наук.

По расхожему утверждению, Восток представляет собой самую актуальную форму современного не-Запада. На фоне динамического развития Китая, Индии, «азиатских тигров» это высказывание приобретает особый смысл, на долгую перспективу конфигурируя систему мировой политики и международных отношений, и требует также некоторого обновления

образовательных программ востоковедения. Но это не означает разрушения всего, что не относится к изучению современного Востока, хотя бы потому, что без изучения истории и языка (в том числе языка в его историческом развитии) понять современные общества Востока невозможно.

История Востока составляет предмет не только востоковедения, но и всеобщей истории, однако подходы этих наук существенно различаются. Как правило, историки-востоковеды воспринимают комплексность истории несколько иначе, чем специалисты по всеобщей истории: первые относятся к ней несколько отстраненно, а вторые – как к своему «жизненному миру». Когда речь заходит об истории Востока, ситуация становится противоположной: история Востока, как и сам Восток, – это «жизненный мир» востоковеда, основа любого востоковедческого знания в рамках классического (материальная культура, религии, экономика и др.) и даже современного (мировая политика и экономика, международная торговля и международные отношения) циклов.

Комплексность востоковедческой науки включает *различение* классического и современного циклов. Это не простое деление на фундаментальные научные исследования, с одной стороны, и аналитические разработки прикладного, практического характера о современных процессах на Востоке, с другой. В рамках классического цикла, например, изучаются дисциплины, связанные с отдельными науками: история Востока (часть всеобщей истории), восточные источники (часть источниковедения и текстологии), восточная археология (часть археологии), языки народов Востока (часть языкознания), восточная философия (часть философии), исламоведение, буддология, габраистика и др. (часть религиоведения) и т. д. Есть и промежуточные области исследований и дисциплины, их изучающие, например: историческая ономастика народов Востока – раздел сравнительно-исторического языкознания. Объединенные в рамках востоковедения, они как раз и обеспечивают целостность знания о Востоке.

Трансдисциплинарные перспективы востоковедения

Вопреки господствующему мнению, ориенталистика – это не только комплексная, но и мультидисциплинарная. Широкое внедрение цифровых технологий в самые разные сферы (компьютерной / цифровой лингвистики, цифрового источниковедения, цифровой археологии и др.), использование методов естественных наук (геоархеологических, палеоэкологических и др.) все больше расширяют его потенциал как трансдисциплинарной науки.

С самого начала своего становления ориенталистика руководствовалась принципами работы, которые Карл Поппер сформулировал как «надвременный принцип научной рациональности»: исследователи Востока совмещают интерес к прошлому с изучением настоящего и созданием сценариев развития тех или иных социальных процессов в восточных обществах в различных комплексных перспективах, легко преодолевая дисциплинарные рамки гуманитарных, социальных и общественных наук. Однако трансдисциплинарность не имеет ничего общего с междисциплинарностью, при которой исследования ведутся на стыке наук, не выходя за их дисциплинарные рамки. Междисциплинарные разработки в востоковедении также проводятся, но они составляют всего около 10–15% от общего числа исследований.

В силу специфики науки, органичной встроенности востоковедческих дисциплин друг в друга (например, востоковедение – восточное источниковедение – восточная эпиграфика / нумизматика / сфрагистика и т. д.) ориенталисты одними из первых начали практиковать междисциплинарные и трансдисциплинарные исследования, совмещая области истории, политологии, экономики, этнологии, социологии, религиоведения, конфликтологии, дипломатии и международных отношений. При этом часто раскрытие темы требует от исследователя совмещения подходов и объединения эмпирического материала ряда дисциплин, а также компетенций в различных областях знания. Например, изучение древних библейских текстов требует профессионального владения навыками текстолога, палеографа, знания арамейского и древнееврейского языков, глубокого погружения в историю Древнего Востока, в историю и теологию иудаизма и христианства.

Информационно-коммуникационная революция еще больше усилила меж- и трансдисциплинарные возможности востоковедения, позволив ему заниматься различного рода реконструкциями, реставрацией источников, освоением верифицируемых цифровых методов и с их помощью приобщиться к инструментарию точных наук. Блестящий пример восстановления навсегда, как считалось ранее, утраченных для науки древних текстов представляет реализация в 2000-х гг. масштабного международного проекта по электронной документации кавказских языков ARMAZI, поддержанного Фондом Фольксвагена. В 2004 г. при помощи специального оборудования в монастыре Св. Екатерины на Синае были сделаны ультрафиолетовые фотографии рукописей, которые позволили восстановить стертый кавказско-албанский текст под грузинским текстом в двух палимпсестах Лекционария – Sin. Geo. № 13 и № 55. Мультиспектральные фотоснимки всех листов манускриптов с последующей расшифровкой текста и сопоставлением его с другими (греческим, сирийским, армянским, грузинским, удинским, русским, английским) переводами Библии были опубликованы отдельно [5, р. 1–2 – 1–29]. Это событие открыло новую веху в изучении Кавказской Албании – древнейшего государства на Восточном Кавказе.

На этом фоне раскрываются и цифровые перспективы восточной археологии. Так, проект *Million Image Database* Оксфордского института цифровой археологии позволил создать 3D-фотографии тысяч исторических памятников архитектуры в ряде стран Ближнего Востока, на основе которых они могут быть с высокой точностью воспроизведены в любом месте земного шара [6]. Этот опыт может быть востребован для восстановления исторических памятников, разрушенных во время войн и конфликтов.

Принципы трансдисциплинарности еще окончательно не сложились, это формирующийся научный подход (никак не дисциплина!), что налагает на него определенные ограничения и создает сложности особого типа. Но именно такое состояние этого подхода открывает перед нами новые перспективы. Иными словами, востоковеды также могут участвовать в создании более благоприятной для себя экосистемы цифровых исследований. Существуют различные формы трансдисциплинарности, более или менее удовлетворительные, направленные на решение сложных многофакторных проблем XXI в. Нас интересует та концепция трансдисциплинарности, которая

связана с «прагматическим поворотом» науки, развитием «более широкой дисциплины “науки об интеграции и внедрении”, к которой относится “практический” трансдисциплинарный режим» [7].

На одном из симпозиумов по трансдисциплинарности было определено понимание сути этого подхода. Утверждается, что «мультидисциплинарный и междисциплинарный подходы не являются средствами эффективной защиты от продолжающейся в настоящее время фрагментации знаний, поскольку, через простое сопоставление или сборку дисциплинарных подходов, они не достигают той глубины “интеграции” фундаментального единства, лежащего в основе всех форм знания». Трансдисциплинарный подход как раз решает эту проблему [8, p. 37–38].

В истории и социогуманитарных науках междисциплинарные подходы сформировались в результате развития сравнительных методов. В 1958 г. был основан журнал “Comparative Studies in Society and History”. Анализируя содержание номеров этого журнала, П. Бёрк приходит к выводу, что опыт сравнительного изучения оказался особенно удачным в следующих областях знания: экономической истории, политической истории, интеллектуальной и социальной истории [9, p. 23–24], т. е. в областях знания, общих и для истории, и для социальных наук. В качестве инструмента конструирования теории сравнительный метод использует и Н. Луман, когда сопоставляет функциональные системы [10, p. 8]. Тем не менее вопрос о возможностях и границах сравнительных методов в исторических науках остается предметом дискуссий [11, с. 143–167].

Историческая компаративистика, выйдя за пределы собственно истории, долгое время успешно обеспечивала междисциплинарный синтез на разных уровнях исторического познания, в том числе методологическом [12, с. 132]. Сейчас совершенно очевидно, что междисциплинарность – не самоцель, а скорее имеет прикладное значение: огромную важность представляет не до конца изученный познавательный потенциал пограничных сфер науки, особенно в областях взаимопроникновения с другими науками, где формируется новое знание. Это означает, что сравнительный метод, используемый в междисциплинарных исследованиях, необходимо заменить на реляционные методы, поднимающие анализ разнородного эмпирического материала до трансдисциплинарного уровня.

Трансдисциплинарность – это выход из междисциплинарности на новый уровень интеграции знания, когда на передний план выходят не проблемы на стыке двух дисциплин, а целостное и всеобъемлющее представление об объекте исследования в рамках общей системы научных знаний. При этом трансдисциплинарность и сама представляет собой научный подход, обеспечивающий интегративность знания [13].

Жан Пиаже, который ввел это понятие в научный оборот, предлагает рассматривать трансдисциплинарность как новую область знаний «без строгих границ между дисциплинами», отличную от мультидисциплинарности и интердисциплинарности [14, p. 144.]. Учитывая мультидисциплинарный характер востоковедения и множество дисциплинарных пересечений, мультидисциплинарность той или иной области знания (в данном случае – востоковедения) можно рассматривать как необходимое условие использования трансдисциплинарных подходов.

Наука давно ушла далеко вперед от простого совмещения разных наук. Л. П. Репина описывает современное развитие науки как «последовательный переход: от «интердисциплинарности» через содержательно неразличимые «полидисциплинарность / мультидисциплинарность» к «трансдисциплинарности» [15, с. 28–29]. Если междисциплинарность требует общего языка описания, то трансдисциплинарность в нем даже не нуждается, что снимает проблему метаязыка – эту проблему успешно решают также и человеко-машинные языки. Трансдисциплинарные подходы позволяют изучать межпредметные связи на уровне элементов системы, т.е. на уровне погружения, а не самой системы, у которой уже есть и свой язык, и свои системы координат.

В информационных и коммуникативных исследованиях трансдисциплинарная позиция нахождения «за пределами дисциплин», создающая пространство для нового знания, подчеркивает важность субъекта, а не отношений «субъект – объект», предлагая в качестве онтологической аксиомы уровни реальности. Речь идет не только о субъекте, но и об объекте, поскольку они взаимно переходят друг в друга [16, р. 310–311]. В любом диалоге необходимо сначала идентифицировать уровни восприятия реальности включенных в него субъектов.

Если междисциплинарность требует создания общего языка научного описания, то трансдисциплинарные подходы позволяют преодолевать противоречия на понятийном уровне, поскольку работают на уровне погружения, первичных элементов систем, универсальных типов данных, с использованием человеко-машинных языков, информационных моделей, цифровых средств и программных инструментов.

Особого внимания заслуживает взгляд на трансдисциплинарный подход как на одну из наиболее перспективных форм мета-методологии [8, р. 37–38], которая распространяется на практику мета-исследований (*мета-* от греч. «за, после»). В научных дисциплинах, связанных с обработкой «больших данных», все виды мета-исследований, или исследований «второго порядка», разделяются на следующие виды: метатеория, мета-методы и анализ метаданных [17, р. 377–378]. Метатеория занимается анализом теорий, созданных на основе осмысления эпирического материала, а мета-методология – соответственно, анализом методологий.

Выводы

Трансдисциплинарные подходы, которые в развитых странах постепенно вытесняют междисциплинарные, на новом витке развития науки решают множество важных проблем – в частности, проблемы фрагментации научного знания, метанарративов, универсального понятийного аппарата, внедрения результатов исследований на практике, проблему воспроизводства результатов исследований, которая типична для мир-системных и синергетических подходов, проблему системной верификации данных. Верификация данных, взятых из различных областей знания, достигается применением реляционных и других статистических методов высокой точности вместо описательного сравнительного изучения. В свою очередь, это обеспечивает несравненно больший уровень объективности, научности и достоверности гуманитарного знания, недостижимый для традиционных классических подходов, особенно в решении новейших проблем науки.

Литература

1. Мельникова О. М. Комплексный подход. Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь Отв. ред. А. О. Чубарьян. М.: Аквилон; 2014. С. 223–224.
2. Генинг В. Ф. Комплексный метод. *Очерки по истории советской археологии. У истоков формирования марксистских теоретических основ советской археологии. 20-е – первая половина 30-х годов*. Киев: Наукова думка; 1982. С. 170–175.
3. Аликберов А. К. Об интегративных подходах к гуманитарному знанию в востоковедении. *Труды Отделения историко-филологических наук РАН*. 2018. Отв. ред. В. А. Тишков; [сост. Н. В. Тарасова]. М.: Наука; 2019. С. 152–164.
4. Луман Н. *Истина, знание, наука как система*. Вступит. статья и пер. А. Ю. Антоновского. М.: Логос; 2016. 408 с.
5. *The Caucasian Albanian Palimpsests of Mt. Sinai*. Vol. II. Ed. by J. Gippert, W. Schulze, Z. Alexidze, J.-P. Mahé. Turnhout: Brepols Publishers n. v.; 2008. 530 p.
6. *The Institute for Digital Archeology*. Электронный ресурс: URL: <https://digitalarchaeology.org.uk/our-purpose> (дата обращения: 17.09.2022).
7. Rigolot C. Transdisciplinarity as a discipline and a way of being: complementarities and creative tensions. *Humanities and Social Sciences Communications*. September 2020;7(1):100. <https://doi.org/10.1057/s41599-020-00598-5>.
8. *Transdisciplinarity: Stimulating Synergies, Integrating Knowledge*. UNESCO: Division of Philosophy and Ethics; 1998. 565 p.
9. Burke P. *History and Social Theory*. 2nd ed. Ithaca – New York: Cornell Univ. Press; 2005. 224 p.
10. Луман Н. *Общество как социальная система*. Пер. с нем. А. Антоновского. М.: Логос; 2004. 232 с.
11. Шидер Т. Возможности и границы сравнительных методов в исторических науках. *Философия и методология истории*. Под ред. И. С. Кона. М.: Прогресс; 1977. С. 143–167.
12. Ромадина Т. И. *Компаративный метод в контексте междисциплинарного синтеза: опыт исследований М. Блока*. Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права), 2007;32(2):132–135.
13. *Transdisciplinarity: reCreating Integrated Knowledge*. Ed. by M. A. Somerville, D. J. Rapport. Oxford, UK: EOLSS Publishers Co. Ltd.; 2000. 272 p.
14. Piaget J. L'épistémologie des relations interdisciplinaires. *Léo Apostel et al. Interdisciplinarity Problems of Teaching and Research in Universities*. OECD Publications Center; 1972. P. 155–171.
15. Репина Л. П. *Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика*. М.: Кругъ; 2011. 559 с.
16. Necolescu B. Natural Information and Spiritual Information as an Outcome of the Transdisciplinary Methodology. *Information Studies and the Quest for Transdisciplinarity. Unity through Diversity*. Ed. M. Burgin, W. Hofkirchner. London: World Scientific; 2017. P. 307–324.
17. Shanyang Zhao. Metatheory, Metamethod, Meta-Data-Analysis: What, Why, and How? *Sociological Perspectives* (Recent Explorations in Sociological Metatheorizing). 1991;34(3). P. 377–390.

Информация об авторе

Аликберов Аликбер Калабекович – доктор исторических наук, директор Института востоковедения РАН, главный научный сотрудник Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья, главный редактор журнала «Ориенталистика», Москва, Россия, © alikberov@ivran.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2894-2767>.

Ссылки на автора

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 18.10.2022; одобрена после рецензирования 01.11.2022; принята к публикации 05.11.2022; опубликована 20.12.2022.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Ориенталистика» благодарит анонимных рецензентов за их вклад в рецензирование этой работы, а также за согласие на публикацию (размещение) текстов рецензий на сайте журнала и передачу (размещение) в Научную электронную библиотеку (<https://www.elibrary.ru>). Размещенные материалы, исключая персональные данные о рецензентах, являются публичными и доступны пользователям в информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

References

1. Melnikova O. M. Integrated approach. In: Chubaryan A. O. (ed.) *Theory and methodology of historical science. Terminological dictionary*. Moscow: Akvilon; 2014, pp. 223–224. (In Russ.).
2. Gening V. F. Complex method. *Essays on the history of Soviet archeology. At the origins of the formation of the Marxist theoretical foundations of Soviet archeology. 20s – the first half of the 30s*. Kyiv: Naukova Dumka; 1982, pp. 170–175. (In Russ.).
3. Alikberov A. K. On integrative approaches to humanitarian knowledge in Oriental studies. In: Tishkov V. A. (ed.); Tarasova N. V. (comp.) *Proceedings of the Department of Historical and Philological Sciences of the Russian Academy of Sciences*. 2018. Moscow: Nauka; 2019, pp. 152–164. (In Russ.).
4. Luhman N. *Truth, knowledge, science as a system*. Enter article and transl. by A. Yu. Antonovsky. Moscow: Logos; 2016. 408 p. (In Russ.).
5. *The Caucasian Albanian Palimpsests of Mt. Sinai*. Vol. II. Ed. by J. Gippert, W. Schulze, Z. Alexidze, J.-P. Mahé. Turnhout: Brepols Publishers n. v.; 2008. 530 p.
6. *The Institute for Digital Archeology*. [Internet]: Available from: <https://digitalarchaeology.org.uk/our-purpose> (accessed: 17.09.2022).
7. Rigolot C. Transdisciplinarity as a discipline and a way of being: complementarities and creative tensions. *Humanities and Social Sciences Communications*. September 2020;7(1):100. <https://doi.org/10.1057/s41599-020-00598-5>.
8. *Transdisciplinarity: Stimulating Synergies, Integrating Knowledge*. UNESCO: Division of Philosophy and Ethics; 1998. 565 p.

9. Burke P. *History and Social Theory*. 2nd ed. Ithaca – New York: Cornell Univ. Press; 2005. 224 p.

10. Luhman N. *Society as a social system*. Transl. by A. Antonovsky. Moscow: Logos; 2004. 232 p. (In Russ.).

11. Schieder Th. Possibilities and limits of comparative methods in historical sciences. In: Kon I. S. (ed.) *Philosophy and methodology of history*. Moscow: Progress Publishing House; 1977, pp. 143–167. (In Russ.).

12. Romadina T. I. Comparative method in the context of interdisciplinary synthesis: M. Blok's research experience. *Izvestiya IGEA (News of the Irkutsk State Economic Academy (Baikal State University of Economics and Law))*. 2007;32(2):132–135. (In Russ.).

13. *Transdisciplinarity: reCreating Integrated Knowledge*. Ed. by Margaret A. Somerville, David J. Rapport. Oxford, UK: EOLSS Publishers Co. Ltd.; 2000. 272 p.

14. Piaget J. L'épistémologie des relations interdisciplinaires. *Léo Apostel et al. Interdisciplinarity Problems of Teaching and Research in Universities*. OECD Publications Center; 1972, pp. 155–171.

15. Repina L. P. *Historical science at the turn of the XX–XXI centuries: social theories and historiographical practice*. M.: Krug, 2011. 559 p. (In Russ.).

16. Necolescu B. Natural Information and Spiritual Information as an Outcome of the Transdisciplinary Methodology. In: Burgin M., Hofkirchner W. (eds) *Information Studies and the Quest for Transdisciplinarity. Unity through Diversity*. London: World Scientific; 2017, pp. 307–324.

17. Shanyang Zhao. Metatheory, Metamethod, Meta-Data-Analysis: What, Why, and How? *Sociological Perspectives (Recent Explorations in Sociological Metatheorizing)*. 1991;34(3):377–390.

Information about the author

Alikber K. Alikberov – Doctor of Historical Sciences, Director of the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Chief Researcher at the Center for the Study of Central Asia, the Caucasus and the Ural-Volga Region, Editor-in-Chief of *Orientalistica*, Moscow, Russia, ✉ alikhberov@ivran.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2894-2767>.

Author's Links

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

The article was submitted 18.10.2022; approved after reviewing 01.11.2022; accepted for publication 05.11.2022; published 20.12.2022.

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

Orientalistica thanks the anonymous reviewers for their contribution to the peer review of this work. It is also grateful for their consent to publish (place) of the review on the journal's website and transfer (place) to the Scientific Electronic Library (<https://www.elibrary.ru>). The posted materials, excluding personal data about the reviewers, are public and freely available on the Internet.